

Е. И. Марутич, Е. И. Сахацик

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛИЗМА И ПАРАДОКСА В РАССКАЗАХ ГРЭМА ГРИНА

Богатое творческое наследие Г. Грина отличается вариативностью затрагиваемых тем. В своих произведениях он, чаще других, обращается к вопросам жизни и смерти, морали и долга, религии, политики и человеческой природы, что отчасти может быть объяснено как творческим поиском автора в исследовании «вечных» тем, так и драматичными обстоятельствами его жизни. Оставаясь признанным романистом, Г. Грин – мастер произведений малой формы. Сохраняя тематическую приверженность автора, рассказы Г. Грина демонстрируют фирменный стиль тонкого психологизма, во многом основанном на присущих Грину литературных приемах символизма и парадокса.

Так, в рассказе 1929 года *'The End of the Party'* ('Конец праздника') от третьего лица повествуется о трагической судьбе двух детей, братьев-близнецов, которые, будучи покинутыми «любящими» их взрослыми, сталкиваются с мучительной и поистине шокирующей развязкой детского праздника. Парадокс, как литературный прием, – это противоречивое суждение или ситуация, расходящаяся с общепринятым мнением, стереотипом или намеренно созданным ожиданием. В *'The End of the Party'* прослеживается несколько его примеров, в частности повод торжества: дети отмечают день рождения, предполагая завершить праздник чествованием именинника, однако вечер заканчивается смертью приглашенного ребенка. Данный художественный прием проявляется при описании эпизода игры в прятки: дети всегда знают, кого найдут – одного из своих друзей, живого и невредимого, однако парадоксально находят мальчика, умершего во время игры от страха. Следующий пример использования парадокса заключается в динамике развития образа главного героя: ребенок ассоциируется с началом жизни, в конце рассказа он умирает. Парадокс просматривается и в роли родителей, которые, считаясь гарантами спокойного детства, в рассказе бездействуют, тем самым не предотвращая трагедию. Роль брата главного героя также можно рассмотреть с точки зрения парадокса: старший, как правило, защищает и оберегает младшего, в рассказе он, напротив, оказывается невольной причиной смерти своего брата-близнеца. Парадокс достигает своей высшей точки в кульминации повествования: старшему брату-близнецу, наконец, удается первому отыскать спрятавшегося брата, он берет того за руку, уверенный в спасительной силе своего прикосновения, но как только игра в прятки заканчивается, мальчик обнаруживает, что его брат мертв.

В качестве объектов, наделенных символическим значением, Г. Грин выбирает обычные, на первый взгляд, предметы и явления, в частности дождь. Образ тьмы в *'The End of the Party'* является символом физической смерти. Темнота как символический объект не раз используется Грином

в своих произведениях: благодаря ей автор создает напряжение для своих героев, погружает их в неизвестность и заставляет чувствовать страх, поскольку все самое тайное и жуткое для них происходит в полной темноте. Выбор сновидения как повторяющегося мотива и даже символа не случаен для творчества Грина: посредством сновидений его герои демонстрируют читателю свои уязвимые места, слабости и страхи, те черты, которые, в конце концов, приведут их к неожиданной и трагической развязке. Интересен выбор автором даты, в которую разворачиваются события – пятое января, она служит символическим предвестником развивающихся действий. Празднование Рождества в течение двенадцати дней завершается вечером пятого января (в так называемую «двенадцатую ночь»). В интерпретации названия рассказа *'The End of the Party'* двенадцатая ночь – последний день рождественских праздников, т.е. прощание с весельем. Таким образом, рассказ демонстрирует пристальное внимание со стороны автора к главным действующим лицам, через образы которых возможна наиболее полная интерпретация используемых литературных приемов.

Рассказ Г. Грина *'I Spy'* ('Я шпион') 1930 года изображает обычный, на первый взгляд, эпизод из жизни простой британской семьи. Однажды поздней ночью, главный герой, подросток, тайком спускается в отцовскую табачную лавку на первом этаже своего дома. Там он неожиданно застаёт отца вместе с двумя неизвестными мужчинами и подслушивает их разговор, который оставляет в душе мальчика неизгладимый след и рисует новый портрет своего отца. Первым ярким примером парадокса в данном рассказе служит трактовка его названия – *'I Spy'*. Для читателя единственным шпионом на протяжении большей части повествования является его действующее лицо – ребенок, подслушивающий под покровом ночи непонятный ему диалог взрослых. Однако ближе к кульминации становится очевидным, что настоящий шпион не кто иной, как родной отец мальчика, а двое его собеседников – агенты британской разведки, заставшие его с поличным. Следующий пример парадокса комбинируется с частым символом сновидений или самого процесса сна главного героя и заключается в его надежде и уверенности в завтрашнем дне. Ребенок спокойно засыпает, твердо зная, что встретит своего отца завтра. На этой по-детски непоколебимой, наивной уверенности рассказ и заканчивается, что парадоксально, ведь для читателя ясно, что наутро подросток узнает правду об арестованном отце и больше никогда его не увидит. Как и в упомянутом ранее рассказе, главный герой «теряет» прежнего себя – беззаботного ребенка, необремененного тяготами взрослой жизни, – и обретает «нового» себя – повзрослевшего за одну ночь подростка, на которого ляжет бремя ответственности за всю семью. Данный пример позволяет говорить о «многослойности» парадокса Г. Грина, в котором «конец» вовсе не конец, а начало новой ипостаси для главных героев. Завершающий пример использования приема парадокса в *'I Spy'* – это образ родителей и их отношение к своим детям. Выявляются различия: если в первом рассказе, под маской заботы и внимания, взрослые предстают

безразличными, то в *'I Spy'*, напротив, отец в действительности крепко любит свою семью, хотя ребенок видит его холодным и отстраненным. Будучи столь неравнодушным, отец всю жизнь держит со своей семьей дистанцию с целью непричинения ей боли, предполагая, что в один день он не вернется домой. Из этого следует, что парадоксальность Г. Грина постепенно приобретает качество «многослойности», в котором интерпретация одного парадокса влечет за собой последующий, углубляя тем самым палитру смыслов в произведении.

В отношении объектов, наделенных символизмом, Грин вновь описывает темное время суток, как и в *'The End of the Party'*, в качестве олицетворения тайны и неизвестности, а также противопоставляет тьме свет, при котором всё тайное становится явным. Ребёнок – еще один повторяющийся символический объект, знаменующий начало и перерождение: в обоих рассказах дети проходят обряд «инициации» и их жизнь меняется. Следовательно, отмечается схожесть в использованных автором объектах с символическим значением в двух рассказах; а литературная «игра» светотени приобретает свойство повторяющегося из рассказа в рассказ символа.

Рассказ *'The Destructors'* ('Разрушители'), написанный в 1954 году, повествует о группе подростков с деструктивным поведением. Один из детей, Тревор, предлагает разрушить дом старика Томаса, что приводит к необратимым последствиям и безмерному горю мужчины. Как и в *'I Spy'*, автор вновь прибегает к использованию приема парадокса в названии произведения. На протяжении всего рассказа разрушителями являются дети, однако для них разрушение – шаг навстречу новому, лучшему мироустройству, что также парадоксально: в послевоенные годы все дома, кроме одного, были разрушены, что подростки считают неприемлемым. Отношение детей к дому, который является оплотом комфорта и защищенности, иное: они видят в нем ненадежную конструкцию, которая легко поддается разрушению. Этот пример комбинируется с отношением Тревора – лидера группы детей к ценным вещам: мальчик понимает, что дом красивый, но, тем не менее, не ценит этого и предлагает товарищам его разрушить, а вместо того, чтобы забрать найденные в доме сбережения Томаса, он сжигает купюры; кувалда, обычно используемая для строительства, в руках подростков выступает средством разрушения.

В роли символов, как и в двух ранее упомянутых рассказах, выступают темное (олицетворяет мучительное чувство неизвестности, охватывающее старика) и светлое времена суток (с наступлением утра все загадки, которые таила в себе темнота, для него проясняются). Образ ребенка/ детей символизирует начало, где разрушение – во благо, с целью строительства нового справедливого мира, в котором все равны, и если дома разрушены после войны, то у всех.

Сознательное наделение обычных, на первый взгляд, объектов не конвенциональным с точки зрения трактовки символизмом становится типичной чертой произведений малой формы Г. Грина, его авторским почерком. Такие

повторяющиеся символы, как чередование дня и ночи, ветреная, ненастная, дождливая погода, становятся излюбленными при создании напряженной обстановки, скрывающей шокирующую развязку-истину. Исследование особенностей проявления символизма и парадокса в творчестве Г. Грина демонстрирует, что писатель рассматривал символ и присущий его произведениям прием парадокса как действенные средства художественного изображения реальности, создавая многогранные и углубляя индивидуально-авторские символические и парадоксальные образы.